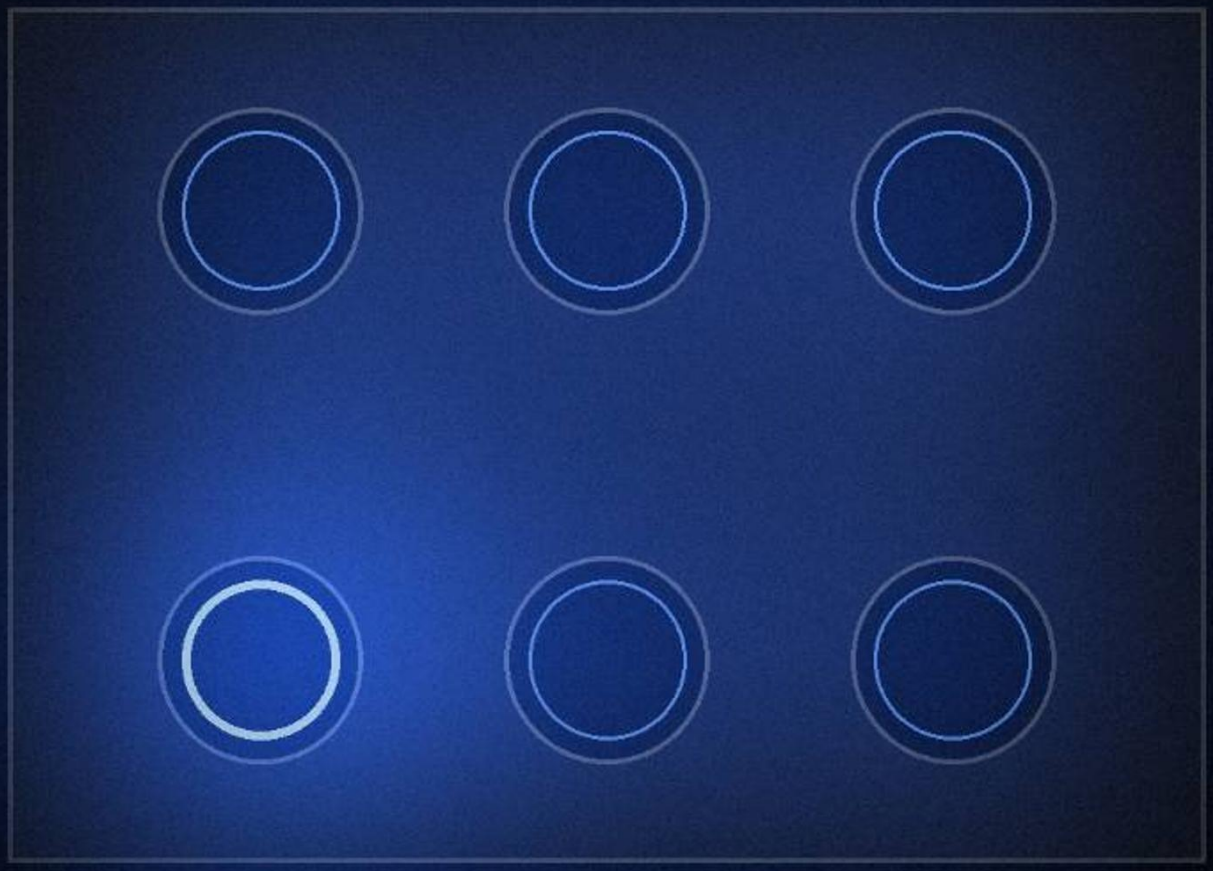
ШЕСТАЯ КОНФОРКА

повесть

Артём Северный

Артем Северный

Шестая конфорка

«Автор»
2026

Северный А.

Шестая конфорка / А. Северный — «Автор», 2026

Артём Северный снимает комнату в питерской коммуналке на Фонтанке и собирается купить свою, на Рубинштейна. Дело решённое, но в пятницу на его кухне собираются друзья и один за другим рассказывают, что пережили в коммунальных стенах. Лёва потерял слух после звонка по общему телефону. Тоня до сих пор мёрзнет в любую жару. Гоша знает, что стоит за заложенной кирпичом дверью. Ирма хранит ложку с чужими инициалами. После каждой истории на старой плите загорается ещё одна конфорка. Всего их шесть, а номеров только пять. Соседка Аглая Борисовна знает, кому принадлежит шестая. В три часа двенадцать минут в коридоре зазвонит телефон, и Артёму придётся решить, кто ответит.

© Северный А., 2026
© Автор, 2026

Содержание

Глава 1. Комната на Рубинштейна 6
Глава 2. Телефон Лёвы 11
Конец ознакомительного фрагмента. 15

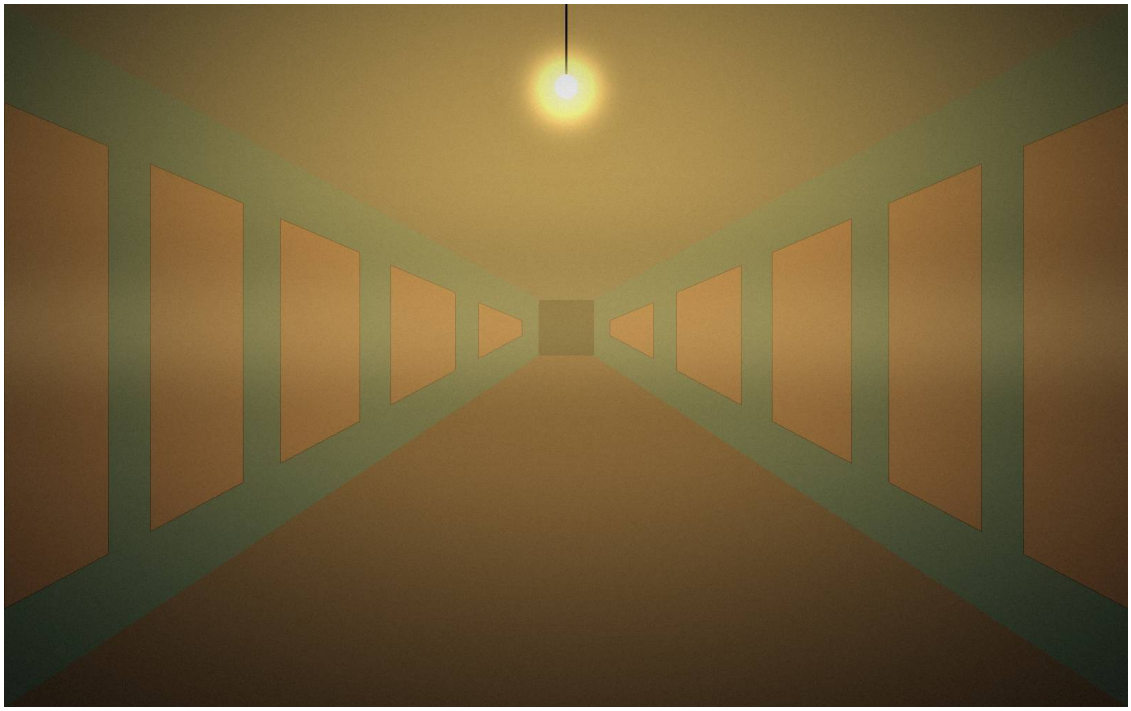
Артем Северный
Шестая конфорка

Артём Северный
ШЕСТАЯ КОНФОРКА
Повесть

Содержание
Глава 1. Комната на Рубинштейна
Глава 2. Телефон Лёвы
Глава 3. Тепло Тони
Глава 4. Стена Гоши
Глава 5. Ложка Ирмы
Глава 6. Аглая Борисовна
Глава 7. Три часа двенадцать минут
Эпилог. Шестая конфорка

Глава 1. Комната на Рубинштейна

В конце октября в Петербурге темнеет к шестому часу, а к семи город уже стоит в чернилах, и только окна, жёлтые, редкие, глядящие в мокрую пустоту дворов, напоминают, что за каждым из них кто-то живёт. Я люблю это время. Люблю не потому, что оно красиво, а потому, что в нём всё честно: никто не притворяется, будто на дворе лето.

Меня зовут Артём Северный. Фамилия настоящая, не псевдоним и не шутка, и за тридцать четыре года я устал объяснять людям, что к Северу я не имею никакого отношения: родился в Купчино, окончил юридический, работаю в страховой компании, в отделе урегулирования убытков. То есть я человек, чья работа заключается в том, чтобы объяснять людям, почему им не заплатят. Хороший, надо сказать, тренинг для жизни в коммуналке.

Я живу в коммуналке на Фонтанке, недалеко от Египетского моста, на четвёртом этаже без лифта, в доме, который помнит Пушкина, если верить табличке, и не помнит ремонта, если верить лестнице. Снимаю там комнату уже три года. Семнадцать метров, потолок почти четыре, окно во двор-колодец, куда солнце, по моим наблюдениям, заглядывает дважды в год и всякий раз торопливо, как гость, зашедший не по тому адресу. Восемнадцать тысяч в месяц, всё включено, хозяйка комнаты живёт в Кисловодске и звонит раз в квартал, чтобы напомнить, что у неё всё хорошо и чтобы я не забывал про свет в коридоре.

В тот пятничный вечер у меня была причина сидеть на кухне и смотреть на свою чашку с таким видом, будто я пытаюсь определить сумму ущерба. В понедельник в десять утра я должен был подписать договор купли-продажи комнаты на улице Рубинштейна.

Расскажу про неё сразу, чтобы вы поняли, чего я хотел.

Девятнадцать метров. Третий этаж, окна на солнечную сторону. Потолок три двадцать, лепнина на карнизе, паркет ёлочкой, который можно было бы спасти. Печка-голландка в углу, нерабочая, но настоящая, с изразцами. Два миллиона девятьсот тысяч. Для центра Петербурга, для той его части, где улицы ещё пахнут кофе и мокрым камнем, это были деньги, за которые в нормальном доме не купишь и гараж. Мне их хватало впритык: продал машину, добавил

отложенное, взял небольшую ипотеку. Агент, женщина по имени Эльвира, с цепким взглядом и усталой любовью к собственному делу, сказала мне в тот день, когда мы смотрели комнату:

— Берите. Такие уходят за три дня. Вам ещё повезло, что хозяин в срочной ситуации.

В срочной ситуации. Я тогда не спросил, что это значит. Мне хотелось, чтобы всё было так, как оно выглядело: светло, дёшево, моё. Своё. Не «снимаю», а «живу». В тридцать четыре года человек начинает ощущать у себя на шее лёгкую, почти невесомую петлю чужих квадратных метров. Ты платишь за стены, в которых каждую минуту могут сказать: «Извините, мы продаём». Ты не вешаешь картину, не красишь батарею, не покупаешь нормальный диван, потому что всё это придётся когда-нибудь тащить вниз по лестнице. Я вешал картину. Она висела на одном гвозде, криво, и на следующий день, как будто в ответ, гвоздь выпал.

Короче, я решил. И, как всякий человек, который решил слишком быстро, сразу же начал искать, у кого бы спросить совета, чтобы потом сделать по-своему.

Поэтому я позвал друзей.

Это была идея Тони, моей давней знакомой, фельдшера скорой, женщины, которая умеет отличить аппендицит от сердечного приступа по тому, как человек держится за дверной косяк. Она позвонила в среду.

— Артём, ты правда собрался купить комнату в коммуналке?

— Откуда ты знаешь?

— От Ирмы. Ирме сказал Лёва, Лёве сказал кто-то ещё. Город маленький. — Она помолчала. — Слушай, давай в пятницу все соберёмся. У тебя. На кухне. Я принесу пирог.

— Зачем?

— Затем, что нам надо тебе кое-что рассказать, — сказала Тоня, и в её голосе я услышал что-то, чего никогда не слышал раньше: не шутку, а какую-то осторожную, почти больничную серьёзность. — Просто приходи в себя к пятнице. И не подписывай ничего до этого.

Она положила трубку.

Я посидел с телефоном в руке и подумал, что в моей жизни, кажется, никто никогда не просил меня ничего не подписывать до пятницы.

Теперь, в пятницу, в половине седьмого вечера, я сидел на кухне и ждал.

* * *

Кухня в нашей квартире, как и положено коммунальной кухне, была главным помещением и главным свидетелем. Размером она была с мою комнату, только вытянутая, с окном, выходящим на ту же чёрную шахту двора, и с потолком, который уходил в такую высоту, что лампочка, свисавшая на длинном проводе, казалась звездой, пойманной в паутину. Лампочка была сорокаваттная, и мы не меняли её на более яркую, потому что в нашей квартире действовало негласное правило: в кухне свет должен быть такой, чтобы видеть друг друга, но не видеть слишком много.

Вдоль стены стояли пять столиков, по числу комнат. Мой, с клеёнкой в красную клетку. Столик Аглаи Борисовны, накрытый вязаной салфеткой, на которой всегда лежала одна и та же сахарница. Столик Семёна Марковича, пустой, потому что Семён Маркович вот уже две недели лежал в больнице на Васильевском и возвращаться обещал «к декабрю, если вообще». Общий столик студентов, Вики и Данила, снимавших четвёртую комнату: пластиковые коробки, чайный пакетик на блюдце, записка на холодильнике, выведенная мелким аккуратным почерком: «Данил, ты опять!!!». И пятый столик, в дальнем углу, под окном. Его никто не трогал. Он принадлежал пятой комнате, которая была закрыта с девяностых годов. Дверь в неё, обшитая клеёнкой, с облупившейся белой краской и четырьмя замочными скважинами, находилась в конце коридора, и на двери висела бумага с печатью давно упразднённого ЖЭКа: «Комната опечатана до разрешения наследственного спора». Спор шёл тридцать лет. Столик под окном пылился, и на нём, как памятник чьему-то терпению, стояла одинокая эмалированная кружка с отбитой эмалью.

Но главным в кухне была плита.

Я хочу, чтобы вы представили её как следует, потому что в этой истории она будет играть роль, которую я тогда не мог угадать. Плита была чугунная, довоенная, огромная, как рояль, и стояла она у стены с таким видом, будто это не она живёт в кухне, а кухня выстроена вокруг неё. Эмаль по бокам пожелтела до цвета старых зубов. Ручки были из жёлтой кости, потрескавшейся, с тонкой сеткой трещинок, как на старых портретах. Духовка закрывалась на тугую щеколду. А наверху, на чёрной, чуть стёртой до блеска плите, стояли в ряд шесть конфорок.

Шесть. Не четыре, как в современных плитах. Не пять, хотя комнат у нас было пять. Именно шесть, в два ряда по три, с чугунными ободками, сглаженными годами. Рядом с каждой, на металлическом бортике, кто-то когда-то нацарапал острым гвоздём цифру. «1», «2», «3», «4», «5». Пять цифр, пять конфорок, пять комнат: каждому жильцу своя.

Шестая, крайняя левая, цифры не имела. Только маленькую, едва заметную зарубку на бортике, как насечку на столбе, по которой отмечают время.

На шестой никогда не готовили.

Я понял это не сразу: просто через месяц после въезда заметил, что она всегда чистая, без следов копоти, без кружка от кастрюли. Ручка её, жёлтая, чуть светлее остальных, всегда стояла в положении «выключено», будто кто-то регулярно проверял. Я спросил у Аглаи Борисовны, что с ней не так. Конфорка сломана? Газ не идёт?

Аглая Борисовна, старушка лет восьмидесяти трёх, прямая, как линейка, в вязаной кофте цвета пыльной розы, в тот момент мыла тарелку. Она не повернулась. Она только сказала, ровным негромким голосом, каким когда-то, видимо, читала диктанты в школе:

— На шестую, Артём, не ставят. Не по правилам.

— По каким правилам?

— По нашим.

На этом разговор закончился. Я не люблю задавать лишних вопросов старикам. В них, как в старых часах, лучше не копаться без необходимости: можно остановить механизм. Я просто принял это как местный обычай, как принимаешь на новом месте работы запрет курить в кабинете начальника. Шестая так шестая.

Но, признаюсь, что-то в этом «не по правилам» засело во мне, как заноза. Особенно после того вечера, когда я, возвращаясь с работы поздно, пройдя тёмный коридор, вошёл на кухню за стаканом воды и увидел, что ручка шестой конфорки стоит не в положении «выключено», а чуть-чуть повёрнута. На волос. Так, что газа ещё не было, но уже можно было различить в тишине, если задержать дыхание, тонкое, едва слышное шипение.

Я повернул ручку обратно. Услышал щелчок. Постоял. И пошёл спать, убеждая себя, что это сквозняк.

Сквозняков у нас в доме не бывает. Окна заклеены с ноября.

* * *

Звонок в дверь прозвенел ровно в семь. Три коротких, потом один длинный: фирменный сигнал Лёвы, звукорежиссёра, человека, который во всём любит чёткий ритм.

Я пошёл открывать.

Он стоял на пороге, мокрый, огромный, в кожаной куртке, с зонтом, который вывернулся наизнанку и стал похож на дохлую ворону. В руках у него был пакет, откуда торчало горлышко бутылки. За спиной, на тёмной лестничной площадке, виднелся ещё один силуэт: маленький, закутанный, с рюкзаком.

— Здорово, покупатель, — сказал Лёва. — Мы пришли тебя спасать.

— От чего?

— От самого себя. — Он прошёл в прихожую, стряхивая воду с куртки, огляделся и принюхался, как собака. — Господи, вы всё ещё пахнете одинаково. Мне кажется, я чую тот же запах, что в девяносто восьмом на Лиговке. Сырость, старый лак и чьи-то щи.

— Это не щи, это Аглая Борисовна. У неё свой запах.

— Ага. Лаванда и вечность.

Из-за его спины вышла Ирма. Ирине Мартыновой, которую все с институтских времён звали Ирмой, было тридцать три года. Она была маленькая, худая, с острым умным лицом и тёмными, коротко стриженными волосами. Работала экскурсоводом: водила группы по блокадному Ленинграду, по дворам-колодцам, по музеям, по тем местам, которые другие обходят. Я знал, что у неё дома хранится коробка с вещами, которые передавались в семье из поколения в поколение: пуговица, обломок гребня, ложка. Никогда не расспрашивал.

— Привет, Артём, — сказала она тихо, и я заметил, что она не снимает перчаток. — Можно мы пройдём на кухню? Мне кажется, нам там будет лучше.

— Лучше чем где?

— Чем где угодно.

Звучало это странно, но я кивнул.

Тоня и Гоша пришли через десять минут, вдвоём, потому что встретились у парадной. Тоня несла пирог, завёрнутый в полотенце, из тех, что она пекла по субботам: капустный, с яйцом, тяжёлый, как кирпич, и такой же надёжный. Ей было сорок три. Невысокая, плотная, с короткими седеющими волосами и руками, которые будто всегда готовы к работе. Не красавица, но стоило ей войти в комнату, как в ней становилось спокойнее: она умела молчать так, что тебя отпускало.

Гоша, Георгий Нестеров, был, наоборот, огромным. Метр девяносто пять, плечи как у грузчика, руки, привыкшие к камню и штукатурке, и тихий, чуть гудящий голос, в котором было больше доброты, чем в иных проповедях. Он работал реставратором: восстанавливал лепнину, паркет, печи в старых домах. Знал каждый кирпич Петербурга лично и относился к ним как к родственникам, иногда капризным. Ему было сорок семь.

Все четверо были людьми, которым я мог позвонить в три часа ночи. И все четверо сегодня выглядели так, будто пришли не на ужин, а на какое-то собрание, исход которого им заранее известен.

Мы расселись на кухне. Я поставил чайник на свою, третью конфорку. Лёва достал из пакета бутылку грузинского вина и поставил на стол с таким видом, будто это не вино, а вещественное доказательство. Тоня разрезала пирог. Гоша молча, по привычке, обошёл кухню, потрогал стены, постучал костяшками по штукатурке возле плиты, прислушался.

— Старая кладка, — сказал он. — Тут стены толщиной в два с половиной кирпича. Не пробить.

— А зачем тебе пробивать? — удивился Лёва.

— Не мне. Просто так, привычка.

Но лицо у него было напряжённое.

Я разлил вино. Лампочка под потолком качнулась на проводе, хотя никто не открывал дверь, и по стенам поползли длинные, ленивые тени.

— Ну, — сказал я. — Я готов. Вы звали меня сюда не за пирогом. Скажите уже, в чём дело.

Они переглянулись. Это был быстрый взгляд, обмен сигналами, как у людей, которые давно договорились, кто первым.

— Артём, — сказала Тоня. — Ты хочешь купить комнату в коммуналке. Где-то на Рубинштейна, да?

— Да.

— Назови дом.

Я назвал. Лёва, который до этого ухмылялся, перестал. Ирма отвела глаза. Гоша очень медленно поставил свой стакан на стол.

— Что? — спросил я. — Вы знаете этот дом?

— Нет, — сказала Тоня. — Не знаем. Но дело не в доме. Дело в том, что это коммуналка. И что ты собираешься не снимать комнату, а купить. Это разные вещи, Артём. Совсем разные. Ты снимаешь — ты гость. Ты покупаешь — ты принимаешь.

— Что принимаю?

— Место, — тихо сказала Ирма. — Место за столом.

Я засмеялся. Мне показалось, что они разыгрывают меня: что где-то под столом спрятан скрытый микрофон, что сейчас Лёва выйдет из роли, и все расхохочутся. Но никто не смеялся. Тоня смотрела на меня очень спокойно. Гоша разглядывал свои огромные ладони. Ирма не снимала перчаток.

— Ребята, — сказал я. — Это же просто недвижимость. Стены, пол, потолок. Я юрист по образованию, я читаю договоры. Я проверю все документы, подниму историю, запрошу выписки.

— Там не будет в выписках, — сказал Лёва.

— Чего не будет?

— Того, что нам надо тебе рассказать.

Он помолчал, глядя в свой стакан, и добавил уже без всякого смеха:

— Слушай, Тёма. У каждого из нас есть история про коммуналку. Не выдуманная, не байка, не «мне рассказывали». Наша. Мы столько лет молчали, потому что такое не рассказывают, ну, знаешь, как про свой первый развод: оно болит, но вроде как и не нужно. А тут ты. И этот дом. — Он поднял на меня глаза. — Я не хочу потом ходить к тебе на кладбище.

— Лёва!

— Прости. Но я серьёзно.

Повисла пауза. Чайник на плите зашумел, закипая, и этот обычный бытовой звук вдруг показался мне чужим, слишком громким.

— Хорошо, — сказал я. — Давайте. Рассказывайте. У меня целый вечер.

— У тебя до понедельника, — поправила Тоня. — И пирог.

— Начну я, — сказал Лёва.

Он откинулся на стуле, взял стакан, посмотрел на свет сорокаваттной лампочки и заговорил так, как говорят о событиях, которые давно стали шрамом: без украшений, ровно, глядя куда-то мимо.

В коридоре, у самой двери нашей квартиры, на крюке висел старый телефон. Чёрный, бакелитовый, с дисковым набором. Отключенный ещё в две тысячи четвёртом, когда компания оборвала старую линию. Его никто не снимал со стены: Аглая Борисовна не разрешала. «Пусть висит, — говорила она. — Он не мешает».

Я не обратил на него внимания. Но в ту секунду, когда Лёва начал рассказывать, мне показалось, что где-то в глубине коридора, в темноте, раздался тонкий, почти неслышный щелчок, как будто кто-то на другом конце провода осторожно поднял трубку, чтобы послушать.

Глава 2. Телефон Лёвы

— В девяносто восьмом мне было двадцать, — сказал Лёва. — Я учился в консерватории на звукорежиссёра, жил с родителями в Гатчине и ненавидел электричку так, как можно ненавидеть только то, что отнимает у тебя по три часа в день. Мне хотелось своего угла. Не квартиры, куда там, а хотя бы угла, где можно было поставить два магнитофона и не слушать мамин телевизор.

Он усмехнулся, но улыбка вышла кривая.

— И тут умер мой дядька. Не родной, двоюродный, по линии отца. Одинокий человек, работал на «Ленфильме» осветителем, жил на Лиговке. Оставил мне комнату. Ну как оставил... завещал. Бумаги оформили за три месяца, и вот мне двадцать лет, я собственник тринадцати метров в общей квартире на Лиговском проспекте. Счастье. Первая моя недвижимость и, как видите, последняя.

— Почему последняя? — спросил я.

— Потому что я с тех пор снимаю, — сказал Лёва. — Дослушай.

Он отхлебнул вина, поморщился, как будто оно было горьким.

— Квартира была из тех, что теперь описывают в путеводителях под рубрикой «аутентичный быт». Семь комнат, коридор длиной с взлётную полосу, кухня, где три газовые плиты и одна из них не работала с шестьдесят восьмого года. Жильцы разные. В первой жила Зинаида Петровна, ей было под девяносто, она говорила, что помнит Кирова, и я ей верил, потому что человек, который выглядит как восемьдесят лет терпения, не станет врать. Во второй Хромовы, муж с женой и взрослый сын, который работал на рынке. В третьей, моей, до меня жил дядька. В четвёртой Витёк, в общем, непьющий-до-обеда. Пятая считалась пустой: хозяйка уехала в Германию, платила за коммуналку раз в полгода по почте. Шестая, это я потом выяснил, была у них заколочена с тридцатых.

— Опять шестая, — тихо сказал Гоша.

Лёва посмотрел на него и ничего не ответил.

— И был там телефон, — продолжил он. — Один на всю квартиру. Висел в коридоре, на стене, на уровне глаз, возле двери в кухню. Чёрный, бакелитовый, весом в килограмм, наверное, с диском на десять цифр, у которого палец в «девятке» застревал всегда. Номер, помню, до сих пор: двести семьдесят... — он замолчал. — Нет, не скажу, не хочу. Каждому жильцу полагалось звонить в определённом порядке: один длинный звонок — Зинаиде Петровне, два коротких — Хромовым, и так далее. Система, которую придумали при Хрущёве, наверное. К девяносто восьмому все давно забыли, кто какой, и просто бежали к телефону, у кого ближе дверь.

— Мне нравится, — сказала Ирма. — Звучит по-человечески.

— В том и фокус. Звучит по-человечески. — Лёва кивнул. — Я въехал в мае. Первую неделю мне было хорошо. А потом начались звонки.

Он поставил стакан на стол и обхватил его ладонями, как будто ему было холодно.

— Это было по вторникам. Всегда по вторникам, всегда в три двенадцать ночи. Я лежал на матрасе, который у меня стоял вместо кровати, читал что-то при свече, потому что лампа перегорела, а лампочки купить я не успел. И вот в коридоре звонит телефон. Не резко, не громко: сухой такой, ржавый звон, будто кто-то ударяет ложкой по чугунной трубе. Я слушаю, жду, что кто-нибудь выйдет и снимет. Никто. Звонит и звонит. Минуту, две. Потом я выхожу в коридор, и там темно, только дверь в кухню светится от уличного фонаря, и телефон висит на стене, и звенит, и от него вибрирует вся стена. Я снимаю трубку. Говорю: «Алло».

Лёва замолчал.

— И что? — не выдержал я.

— Женский голос. Спокойный такой, вежливый. Я бы сказал: учительский. Говорит: «Позовите, пожалуйста, Ивана Ильича из шестой».

Я почувствовал, как у меня по спине пробежал холод.

— У нас не было Ивана Ильича. Ни в первой, ни в пятой, ни в какой. Шестой комнаты, как я уже сказал, не существовало. Я так и сказал: «Здесь такого нет. Вы ошиблись номером». А голос отвечает: «Ничего. Я подожду». И всё. Трубку не кладут, но и не говорят ничего. Только слышно дыхание. Ровное, как у человека, который сидит у окна и смотрит на дождь.

— Ты положил трубку?

— Положил. И пошёл спать. Утром думаю: приснилось, как все ночные звонки снятся. А в тот же день, к обеду, на кухне Зинаида Петровна, которая уже лет тридцать не слышала ни одного слова, не оглянувшись от плиты, сказала: «Звонили?»

Лёва поднял взгляд.

— Я говорю: «Кто?» Она: «Вежливая». Я говорю: «Кто такая вежливая?» А она мне: «Не отвечай ей, мальчик. Если не знаешь, кого просят, — не говори, что тебя нет. Она запомнит, что ты слышал».

Тоня тихо выдохнула и придвинула стул ближе к столу.

— И ты, конечно, спросил, что это значит?

— Конечно. Зинаида Петровна сказала только: «Вот поживёшь — поймёшь». На следующий вторник я, как дурак, не спал. Сидел в коридоре на табуретке, в куртке, и ждал. В три двенадцать телефон зазвонил. Я снял трубку. И голос, тот же, вежливый, спросил: «Позовите, пожалуйста, Анну Сергеевну из шестой». Я сказал: «Здесь нет Анны Сергеевны». — «Я подожду».

— Другая фамилия, — сказал Гоша.

— Другая. Но та же «шестая». И снова дыхание в трубке, как будто этот человек не торопится, у него вся ночь. Я смотрел на телефон, и меня что-то зацепило. Знаете, что? Как она произносит слово «шестая». Не как номер. Как место. Как «позовите кого-нибудь из Парижа».

Лёва потёр лицо.

— На третью неделю я записал имена. Иван Ильич, Анна Сергеевна, потом Матвей Кузьмич, потом Лидия... не помню. Я взял тетрадку и начал выспрашивать у Зинаиды Петровны, не жил ли тут кто-то с такими именами. Она долго молчала, потом достала из-под кровати картонную коробку с фотографиями, и там, на одной, групповой, снятой во дворе в пятьдесят шестом году, я увидел всех. Весь этот список. Сидят рядами, улыбаются, в майских платьях и пиджаках. А на обороте чернилами подписано: «Жильцы квартиры. Лиговский, 52. Шестая комната вне кадра».

— Вне кадра? — переспросила Ирма.

— Так и написано. Я спросил: «Что значит вне кадра?» А Зинаида Петровна говорит: «Её никто никогда не фотографировал. Там жил кто-то. Или не жил. В квартире всегда шесть жильцов, а считают пять. Шестой — тот, кто должен прийти. Он всегда уже в списке, но его ещё нет. Он как очередь».

Я откинулся на стуле. В кухне было тихо, только чайник на моей конфорке давно уже выкипел, и дно его начало потрескивать. Я не заметил, как встал и выключил газ. Руки у меня слегка дрожали.

— Продолжай, — сказал я.

— Я не хотел продолжать, — сказал Лёва. — Я хотел съехать. Но у меня не было денег на съём, а продать комнату сразу не получалось: документы только что оформили. Я решил, что переживу. Что за год всё забудется. Звонки по вторникам продолжались. Каждый раз новое имя. Каждый раз «шестая». Я перестал снимать трубку. Я вытащил вилку из стены, но у них там вилки не было, провод вмурован. Тогда я начал обматывать трубку в подушку и класть сверху на аппарат. Не помогало. Звонок проходил сквозь подушку, сквозь стену, сквозь сон.

Он помолчал.

— В ноябре умерла Зинаида Петровна. Тихо, во сне. Утром её нашла Хромова. Я помню лицо Хромовой: она стояла в дверях первой комнаты, смотрела внутрь и повторяла: «Позвонили, значит. Позвонили». И в ту ночь, ровно в три двенадцать, телефон зазвонил снова. Я лежал и слушал. Минуту, две. Потом вдруг понял, что в квартире кроме меня никто не спит. Я слышал, как за стенами скрипят кровати, как кто-то шепчет, как кто-то, затаив дыхание, считает звонки. Они все лежали и слушали. Они знали.

— Что знали? — спросил я.

— Что в следующий вторник позвонят кому-то из нас.

Я посмотрел на остальных. Тоня сидела очень прямо, с совершенно белыми костяшками пальцев, вцепившись в край стола. Ирма не двигалась. Гоша смотрел на Лёву тяжело, как человек, который знает, чем кончится рассказ.

— Во вторник я вышел в коридор и снял трубку сам, не дожидаясь, пока она отзвонит. Я был зол, понимаешь? Мне двадцать лет, я не хотел умирать в тринадцатиметровой комнате на Лиговке от какой-то хрени, которая звонит по ночам. Я сказал: «Слушаю». Голос ответил: «Позовите, пожалуйста, Льва Аркадьевича из шестой».

Лёва медленно поднял взгляд.

— Меня звали Лев Аркадьевич. Из шестой. Я сказал: «Это я». Голос сказал: «Слава богу. Мы вас заждались». Я спросил: «Кто вы?» Она ответила: «Те, кто ведёт список. Вы приняли комнату?» — «Какую комнату?» — «Третью. Вам её передали по наследству. Вы приняли?» — «Принял». — «Тогда вам придётся принять и остальное».

— Остальное что? — шёпотом спросила Тоня.

— Долг, — сказал Лёва. — Она именно так и сказала: «Долг». И объяснила, вежливо, ровно, как объясняют правила оформления документов. В коммунальной квартире, сказала она, никто не уходит просто так. Каждый, кто жил, оставляет после себя долг: неоплаченную обиду, недоговорённое слово, чужую тарелку супа, которую не доел. Это не деньги. Это... — Лёва щёлкнул пальцами, подбирая слово. — Это вещь, которую надо кому-то донести. И тот,

кто приходит в комнату после, принимает её вместе с квадратными метрами. Хочет он этого или нет. Так заведено. Квартира, сказала она, это не стены. Это очередь. Те, кто в ней живёт, стоят в одной очереди. И шестой тот, кто стоит в начале. Тот, кто сейчас платит.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.